

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева
«*16*» *июня* 2017 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «МЕХАНИЧЕСКОГО» В
НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО
«АННА КАРЕНИНА»

Выпускник

А.Г.Лубсанова

Научный руководитель

д-р филол. наук, доц. К.В.Анисимов

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Цивилизация модерна глазами Толстого: проблема контекста	8
1.1. Мотивная группа «цивилизации».....	8
1.2. Антитеза «культура-цивилизация».....	19
ГЛАВА 2. «Цивилизация» и «Природа» в художественном пространстве Толстого	21
2.1. Символическая топография «города».....	21
2.2. Символическая топография «деревни».....	24
ГЛАВА 3. Проблема языка в романе «Анна Каренина»	29
3.1. «Языковой» аспект толстовского самосознания.....	29
3.2. «Цивилизация» в словесных мотивах романа	34
ГЛАВА 4. «Цивилизация» в художественной структуре «Анны Карениной»: поэтика эквивалентности	36
4.1. Железная дорога.....	39
4.2. Английская тема.....	40
4.3. Концепт разрезания.....	46
4.4. Государство как «механизм».....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	58

ВВЕДЕНИЕ

Изучением творчества Л.Н. Толстого, произведения которого повсеместно признаются одними из значимых классических произведений мировой литературы и относятся к романам, не теряющим своей современной ценности и приобретающим значение исторических книг, в разных аспектах занимается множество исследователей, как зарубежных, так и отечественных: Н.В. Горьковская, Н.Ф. Ежова, Н.В. Касьян, М.Л. Ключова, В.Г. Короленко, Н.М. Минский, Б. Леннkvист, К. Леонтьев, О. Матич, G.S. Morson, В.Г. Одинокaв, И.Б. Павлова, Е.А. Полякова, О.О. Путило, Г.В. Плеханов, Т.Д. Проскурина, А.М. Ранчин, О.В. Сливицкая, Д.М. Шевцова, А.И. Шифман, Б.М. Эйхенбаум, С.В. Алябьева, О.В. Барабаш, В.А. Вейкшан, Г.Я. Галаган, Н.В. Гуреева и мн. др. Диапазон работ, посвященных творчеству, биографии, учениям Толстого, широк: этика ненасилия; философия непротивления; аспект, связанный с пониманием жизни в целом и концепцией сознания жизни; связь учения с буддийской метафизикой; воздействие древнеиндийской философии на его учение; тождественность взглядов Толстого с идеями Ж.-Ж. Руссо; жизнь и творчество Толстого (Н.К. Гудзий); стиль и художественная манера Толстого; особенности художественного метода; философские воззрения, восходящие к учению Шопенгауэра (Б.М. Эйхенбаум).

Исследователей «Анны Карениной» интересуют образно-мотивная структура романа, вопросы сюжета и композиции (Р.В. Автономова, Б.В. Рождественский, А.А. Реформатский, В. Шкловский), приемы создания образов и раскрытия их духовного облика (М. Алпатов, Г. Скворцова, М. Шкерин), история создания, идейно-художественные особенности романа (Б.И. Бурсов), система образов романа (Б.Е. Галанов, В.З. Горная), творческая история романа (В.А. Жданов), пушкинская традиция в романе. Интерес проявляется и к «диалектике души» (М.Б. Храпченко, А.В. Чичерин, В.З. Горная, А.П. Григорян, Н.К. Гей, Громов, В.Г. Одинокaв и мн. др.), и к символике произведения (В. Набоков), и к художественно-эстетическим,

социально-философским исканиям Л.Н. Толстого (Г.Я. Галаган), проблеме нравственно-философских и религиозных исканий (И.В. Чуприна, А.С. Полтавцев, И.И. Виноградов, Н.С. Козлов), творческой работе художника над словом (В.И. Порудоминский), проблеме художественности литературного произведения (Н.К. Гей, Я. Билинкис, В.И. Тюпа), теме смерти и бессмертия в творческом наследии писателя, проблеме интерпретации эпитафии (Б.М. Эйхенбаум, Б.И. Бурсов, Г.М. Палишева, Т.П. Цалко, Н.Н. Гусев и т.д.).

В связи с этим **актуальность** настоящего исследования обуславливается мировым значением толстовского романного творчества, громадностью многоязыкой литературы о творчестве писателя, многогранностью толстовской поэтики и разнообразием применяемых к его произведениям аналитических и интерпретативных стратегий. Теоретическая проблема, на которую направлена работа, заключается в особом отношении Л.Н. Толстого к позитивизму XIX в., который ориентировался на науку, на нормы научного знания и в связи с этим на опытную проверку знания, который преувеличивал роль науки и научного прогресса в решении человеческих проблем, и рационализму XVIII в., сформировавших наиболее радикальные и влиятельные (особенно в России) научно-философские школы и социальные течения XIX в.

Объект исследования— нарративная поэтика прозы Л.Н. Толстого.

Предметом исследования являются мотивы, связанные с семантическим полем «цивилизации».

Цель работы состоит в исследовании нарративной структуры романа «Анна Каренина» с точки зрения поэтики эквивалентностей.

Указанная цель предопределяет решение следующих **задач**:

- 1) выявить смысловое поле «цивилизации»;
- 2) проанализировать символическую топографию «города» и «деревни»;
- 3) рассмотреть «языковой» аспект толстовского самосознания;

5) идентифицировать и описать тематические эквиваленты в «Войне и мире» и «Анне Карениной».

Поставленные задачи решаются при помощи нарративного и сравнительно-сопоставительного анализа.

Материалом исследования послужил роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». В качестве дополнительного материала использовались роман-эпопея «Война и мир», письма, дневники и записные книжки писателя, а также работы, затрагивающие проблему его отношения к материальному прогрессу, науке, культуре.

Отбор материала обусловлен степенью его репрезентативности для выполнения поставленных в работе целей и задач.

Методика исследования опирается на теоретическую модель нарратива, которая нацелена на поиск смыслов, «кодируемых» его формой (структурой).

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных исследователей творчества Л.Н. Толстого, фундаментальный труд одного из теоретиков нарратологии В. Шмида.

В первой главе предпринята попытка рассмотреть смысловое поле «цивилизации». Взятые нами с 1847 по 1890 годы дневники и записные книжки позволяют проследить отношение писателя к прогрессу, материалистам, ознакомиться с критикой «механической теории» материалистов (Дневник, 1890 г.) и теорией «нравственного самоусовершенствования», в которой Толстой исходит из идеалистических положений, что «дух управляет материей: материя есть следствие деятельности духа» [Толстой, т.50, 1952: 11].

Во второй главе мы проанализируем в интересующем нас аспекте символическую топографию «города» и «деревни», своеобразие пространственной организации, особенности толстовского видения, отразившиеся в пространственных представлениях. В воссоздании индивидуально-авторской модели мира именно пространственная

организация играет важную роль, в то время как совокупный опыт автора, его представление о мире находят свое явное выражение в пространственной организации текста.

Третья глава будет представлять «языковой» аспект толстовского самосознания и состоять из дневниковых мыслей Толстого о языке, принадлежащих ему, а также тех, которые взяты «из очень большого количества сочинений и сборников мыслей» [Толстой, т.41, 1957: 10]. Всё это позволит проследить работу Толстого над языком произведений, проследить связь стиля писателя с речью простого народа, увидеть сочетание простоты и ясности литературного языка с «вычурностью» его.

Четвертая глава исследования, посвященная композиционно-нарративному анализу романа, является попыткой рассмотреть нарративную структуру романа. В ней объясняются механизмы, определяющие смыслопорождающие функции нарративной структуры романа.

ГЛАВА 1. ЦИВИЛИЗАЦИЯ МОДЕРНА ГЛАЗАМИ ТОЛСТОГО: ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТА

«Здесь дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»
Ф.М. Достоевский

«Человек хочет и любит все телесные блага приобрести для себя одного, а духовные блага приобретать для других, чтобы другие хвалили его. Человек должен все телесные блага отбросить от себя и предоставить другим, а духовные блага приобретать только для одного себя. Единство в том, что каждый ищет спасения и находит его только в отречении от себя»
Л.Н. Толстой

В главе ставится задача рассмотреть смысловое поле «цивилизации», для чего необходимо проанализировать дневники и записные книжки Л. Толстого с 1847 по 1890 годы, рассмотреть систему «культура-цивилизация», сопоставив точки зрения современных исследователей на проблему понимания «цивилизации».

1.1. Мотивная группа «цивилизации»

Будучи человеком верующим и восхищавшимся Природой, что было унаследовано от русской традиционной культуры и от европейского сентиментализма, будучи носителем этих ценностей, Л.Н. Толстой переживал драму модернизации и не мог принять явление становления духовных потребностей второстепенными в связи с появлением материальных благ и комфорта, т.е. с развитием технического прогресса. Нелюбовь к прогрессу, историческому, временному в творчестве Толстого так или иначе находят свое отражение:

«С распространением машин увеличивается число свободных людей для умственных трудов, необходимых для благоустройства. Зло машин

ощутительно тогда, когда остающиеся свободными люди неспособны еще, неразвиты для труда умственного» [Толстой, т.47, 1952: 169]¹.

Железная дорога как продукт цивилизации вызывала особое неприятие Толстого. В дневнике 1850-х гг. находим запись «несчастье железных дорог», смысл которой можно понять, прочитав написанное 28 марта 1857 г. письмо к И. С. Тургеневу, содержащее сообщение о прибытии Толстого в Женеву: «Отлично я сделал, что уехал из этого содома. Ради Бога, уезжайте куда-нибудь и вы, но только не по железной дороге. Железная дорога к путешествию то, что бардель к любви. Также удобно, но также не человечески машинально и убийственно однообразно» [Там же].

С.А. Берс, вспоминая Толстого, отмечает влияние Ж. -Ж. Руссо на его убеждения. Объединяющей чертой обоих писателей были любовь к природе и простоте, отвращение к цивилизации:

«Лев Николаевич всегда терпеть не мог железных дорог. <...> После езды на железной дороге он всегда жаловался на ощущение, испытываемое в вагоне. На пути от станции домой он сравнит железную дорогу с ездой на лошадях и похвалит последнюю. Он отрицал в принципе пользу железных дорог, особенно для простого народа, и не любил напускной вежливости кондукторов и чуждости, господствующей между пассажирами» [Берс, 1894].

6 апреля 1857 г. Толстой присутствует на смертной казни, совершенной над Франсуа Ришё, осужденным по постановлению Сенского суда присяжных за двойное убийство.

В письме к В. П. Боткину отразилось впечатление от экзекуции, гильотины: «Я имел глупость и жестокость ездить нынче утром смотреть на казнь... и это зрелище мне сделало такое впечатление, от которого я долго не опомнюсь. Я видел много ужасов на войне и на Кавказе, но, ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта

¹Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928-1958. URL: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/>; В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте дипломной работы с указанием тома римской цифрой, страницы— арабской.

искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека» [XLVII: 438].

Все изложенные мысли подсказывают: с развитием прогресса цивилизации общество, эпоха обесчеловечиваются.

Запись 20 мая 1862 г. в Дневнике: «На пароходе. Как будто опять возрождаюсь к жизни и к сознанию ее... Мысль о нелепости прогресса преследует <...> написал в этом духе статью». Речь идёт о написанных в 1862 г. статьях «Воспитание и образование» и «Прогресс и определение образования», где писателем отражены взгляды на социально-политические вопросы, критика буржуазной цивилизации и капиталистического «прогресса», протест против перенесения этого «прогресса» на русскую почву. Толстой приходит к заключению, что расценивать всякое явление общественной жизни, искусство, науку надо с точки зрения народа. Он осуждал западноевропейский капитализм, основанный на корысти, насилии, лицемерии господствующих классов, разорении, нищете и вымирании народа. Критикуя капитализм, его культуру и технику, Толстой-ретроград звал назад, к натуральному хозяйству и, ссылаясь на «неподвижные восточные народы», пытался убедить всех в том, что общего закона движения вперед для человечества нет и быть не может: исторический прогресс— в нравственном самосовершенствовании.

Толстовство есть идеология восточного строя. Именно восточным характером идеологии толстовства объясняются аскетизм, непротивление злу насилием, пессимизм и идея о том, что материя — ничто, дух — все [Асмус, 1969].

«<...> Странная религия моя и религия нашего времени, религия прогресса. Кто сказал одному человеку, что прогресс — хорошо. Это только отсутствие верования и потребность сознательной деятельности, облеченная в верованье» [XLVIII: 26].

Запись 1861 г.: «<...> я не люблю цивилизацию» [Там же: 34].

Идея о быстроте движения отражена в следующем высказывании:

«Мы судим животных с точки зрения ума. «Заяц <...> судил бы нас с точки зрения трусости: «человек выдумал железные дороги, чтобы скорее бежать»» [Там же: 108].

Железные дороги — свобода и быстрота передвижения — характерные черты прогресса.

Верить в прогресс значит не верить или не понимать великого Бога и веровать в маленького.

Толстой оценивает культуру западноевропейского и русского общества как противоречие между назначением культуры служить потребностям народа, (крестьянства) и действительным положением культуры: наука, техника, образование, искусство служат интересам образованных классов и меньшинства правящих.

Рассуждая о споре славянофилов и западников, писатель приходит к выводу о том, что оба справедливы. «<...> время Петра, сделало великое, необходимое дело, но, открыв себе путь к орудиям Европ[ейской] цивилизации, не нужно <было> брать цивилизацию, а только ее орудия, для развития своей цивилизации. Это и делает народ» [Там же: 124].

Писатель-автодидакт оспаривает мысль, что железная дорога построена для развития <...> Опять цель торговли, военная и т. д. и цель разрушения завоевательной кочки суть одна из миллиардов целей, которые достигаются дорогой или всяким действием — событием. [Там же: 129].

Толстовская критика капиталистической культуры отражается в его трудах («Люцерн», педагогические статьи 60-х годов, поздние трактаты «Так что же нам делать?», «Что такое искусство?», романы) и затрагивает вопросы, касающиеся образования (педагогика), разделения труда, техники, философии, естественных и общественных наук, медицины, искусства.

Согласно Асмусу, Толстой осуждает культуру, войдя в положение патриархального крестьянина, для которого плоды культуры (наука, искусство) остаются недоступными и непонятными вследствие его бедности, неграмотности, следовательно, осознаются как чуждое и бесполезное

явление. Такая оценка явлений и плодов культуры капиталистического общества выдвинута Толстым в период деятельности, связанной со школьным образованием, педагогической системой, сложившейся в яснополянской школе.

Леса разрушаются железными дорогами. Железные дороги леса потушили.

Толстой возражает матерьялистам, которые утверждают, что ничего нет кроме земной жизни, потому что, если бы это было так, то писателю не о чем было писать. Он убежден, что земная жизнь ничего не дает. Здесь он обращается к опыту Шопенгауэра, который давал чувствовать, что есть причина того, что он не застрелился. И разгадать эту причину он стремится в своих произведениях.

Писатель-автодидакт сомневается в определении прогресса как движении вперед для достижения цели добра нравственного. Цель его другая: наукой, т.е. «поклонницей» прогресса не признается этическое значение религии (Христа).

С педагогической деятельностью, занимавшей особое место в жизни Толстого, связывается поездка за границу, куда он отправляется 28 мая 1860 г. Позднее писатель записывает в Дневник мысли, разоблачающие основанную на корысти и лицемерии буржуазную сущность европейской цивилизации, уличающие цивилизацию и науку в абсолютном бессилии доставления счастья людям. Впечатление от тамошних школ и западноевропейской цивилизации было резко негативным.

Посещение Италии, Ниццы, Флоренции, Ливурно, Лондона — все вызывает у писателя отвращение к цивилизации.

Прогресс, цивилизация — будущность всего. Но это только стремление, сближение, быстрота и «трата правнукова состояния».

Прочитав Медоуз, Толстой пишет в дневнике, что цивилизация делится на четыре степени: материальную, физическую, умственную, нравственную. Цивилизация заменяет физические факторы умственными, умственные—

моральными. Толстой размышляет, что благо людей в большей степени достигается через применение к жизни тех факторов, которыми легким путем получается благо. Примечательна запись в дневнике, что нелепо поднятие руками того, что можно поднять рычагом, как и нелепа поддержка отношения и защита своей независимости войной, когда такая цель достигается нравственной жизнью.

Отказ от роскоши, материального и плотского, обращение к Богу — такие заключения можно сделать, основываясь на мыслях Толстого:

«<...> Надо отказаться от роскоши. Пока есть насилие, сила капитала и изобретения направлялась не на то, что нужно. И чтобы было то, что нужно, массам надо всё проверить. Главное же надо быть готовым отказаться от всех усовершенствований нашей цивилизации, только чтоб не было того жестокого неравенства, которое составляет нашу язву. <...> надо отказаться от роскоши и цивилизации, будучи готовым устроить ее завтра же, только общую и равную» [L:102].

«<...> всё материальное ничто, одно реальное, несомненное, закон, по которому всё совершается, и малое и большое — воля Божия. И потому, хочешь жить не мечтательно, а реально, живи в воле Божией». Исследуя проблему духовности, Л.Н. Толстой выявляет основные противоречия между «плотью» и «духом», конечным и бесконечным, преодоление чего обеспечивает путь к совершенствованию, духовный рост человека [Алябьева, 2006].

Похожие мысли излагал Ф.М. Достоевский:

Человек, находящийся под влиянием цивилизации, «тронутый европейской цивилизацией» — это человек, "отрешившийся от почвы и народных начал». Не соглашаясь с логикой Бокля, что цивилизация «смягчает» человека, Ф.М. Достоевский утверждает, что она, напротив, делает его кровожадным и находящим «в крови наслаждение», плохим и гадким, ибо «цивилизация выработывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше». Именно

развитие этой многосторонности приводит к т.н. «кровопролитию». Важно замечание автора о том, что «самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа [Достоевский, 1957].

1.2. Антитеза «культура-цивилизация»

Считаем уместным привести суждения также современных исследователей о «цивилизации», противопоставивших ее «культуре»:

И.М. Самусенко, опираясь на исследователей, подход к пониманию «цивилизации» которых главным образом касается такого уровня развития общества, при котором происходит отчуждение субъекта и общества от природной среды, определяет «цивилизацию» как «культурный мир», вышедший за пределы «простого общества», преодолевший уровень развития «примитивных» коллективов [Самусенко, 2008].

Проблема соотношения цивилизации и культуры многогранна: существуют группы исследователей, с одной стороны, отождествляющих эти понятия, и, с другой, противопоставляющих. Например, точка зрения Э.Тайлора следующая: «культура, или цивилизация <...> слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способов и правил, усвоенных человеком как членом общества».

Также и А.В.Чернышева в своей статье обращает внимание на такой подход к пониманию «цивилизации», при котором культура и цивилизация противопоставляются друг другу.

На рубеже XIX-XX веков русская философская мысль решала проблему понимания этих феноменов с точки зрения взаимодействия духа и материи. Культура «рассматривалась как явление духа, действующее согласно закономерностям его энергетики, которая есть дух творческой деятельности человека, его естественное начало. А цивилизация как

«обустройство жизни человека во всех ее материальных и гражданских аспектах» есть «материальное, искусственно созданное воплощение этой действительности» [Чернышева, 2011].

Автор пишет, что русские мыслители цивилизацию XX в. определяют как противоположность, «изнанку Культуры» (В.Ф. Эрн), как нерелигиозное по своей основе явление, в котором побеждает разум «просвещения». Цивилизация как несимволичное, неиерархичное и неорганичное явление становится причиной иссякания источника культуры, то есть духовной энергии, угасания духа (Н.А. Бердяев).

Система «Культура-цивилизация» включает саму природу, как подчеркивает Чернышева. Цивилизация, будучи оторванной от Культуры, формирует «однобокое материалистическое мышление, в котором берет вверх голый прагматизм, уничтожающий остатки идеализма XIX в.». Так, исследователь обращается к заключениям Н.К.Рериха, что:

1) культура должна передаваться от сердца к сердцу через чувствование, а чтобы оно заработало, необходимо усвоить язык сердца. Культура – источник благородства духа, человеческого достоинства, взаимного доверия и сотрудничества. Человек, усвоивший культуру, свободен от страха и предрассудков, понимает важность сотрудничества и продуктивность общего созидания. Она учит его не терять время в праздности – в этом она противостоит цивилизации.

2) проблема понимания цивилизации и культуры должна решаться с точки зрения взаимодействия духа и материи (культура — явление духа).

3) во взаимодействии культуры и цивилизации приоритет должен принадлежать культуре («самое важное для нас дух и творчество, затем идет здоровье, а лишь на третьем месте — богатство»). [Там же]

Жизненные проблемы приводят людей к тому, что они устремляются к «высшим решениям». А какие это решения? Можно ли здесь говорить об обращении к Богу, о развитии религиозного мышления?

Многочисленные работы Рериха направлены на выявление роли духовной культуры и ущерба, если так можно сказать, наносимого современной цивилизацией человеку, его жизни.

В статье о взаимодействии современной цивилизации и человека В. М. Сальников, пишет, что в современной цивилизации «битва ведется за одно — человеческие души» [Сальников, 2014].

Таким образом, и современными исследователями цивилизация рассматривается как явление, связанное с «угасанием духа», нанесением вреда жизни человека.

ГЛАВА 2. «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И «ПРИРОДА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТОЛСТОГО

В главе мы проанализируем в интересующем нас аспекте символическую топографию «города» и «деревни», своеобразие пространственной организации, особенности толстовского видения, отразившиеся в пространственных представлениях.

2.1. Символическая топография «города»

Ю.М.Лотман, исследуя пространство в семиологическом аспекте, пишет: «<...> Художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений. <...> язык пространственных отношений оказывается одним из средств осмысления действительности», становится «организующей основой для построения «картины мира».²

М.М Бахтин выдвигает антропоцентрическую концепцию пространства художественного текста, соответствующую тому, что в литературе существует двойное сочетание мира и человека: 1) мир изображен извне, как окружение героя; 2) мир изображен изнутри, как душевно-духовная сфера, включающая в себя намерения, мысли и чувства.

Толстой восхищался людьми, истинно живущими христианской жизнью, странниками, живущими без имущества, без семьи и имени.

Его любовь к деревне, идиллической сельской жизни и ненависть к порочному городу ассоциировались с неиспорченностью, нетронутостью и развращающей жизнью соответственно. Разочаровавшись в военной службе, он находит именно деревню местом защиты от соблазнов, местом исцеления.

² См.: Сливичкая О.В. «Истина в движении». О человеке в мире Л. Толстого. СПб.: Амфора, 2009. [Цит. по: Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988]

“<...> с ненавистью к урбанизму в него вселилась нелюбовь к культуре и к ее представителям”

Порицая города и городскую жизнь, Толстой выражал отвращение к цивилизации.

С.А. Берс в своих воспоминаниях пишет, что писатель не признавал города, постоянно жил в деревне, другая жизнь им не признавалась. Когда он бывал в городе, впадал в уныние, суетливость, был раздражительным [Берс, 1894].

По мнению Н.М. Минского, Толстой, будучи проповедником простой жизни и апологетом крестьянской правды, является в России не учителем, а одним из последователей, не творцом нового течения, а одним из подхваченных течением, уже до него существовавшим. Толстой в России один из опростившихся, один из ушедших в народ. Толстой играл большую роль в жизни общества, выступая за ликвидацию крепостного права, считая единственным путем общественного переустройства не революционное насилие, а нравственное совершенствование людей. [Минский, 1910].

Анализируя роман и рассматривая его в «механистическом» аспекте, можем отметить: все, что не связано с деревней, – путаница. Деревня — место, где Левин не чувствует стыда. Город, постоянно развивающийся, движущийся вперед, заставляет героя чувствовать недовольство собой, стыдиться себя, быть не самим собой.

Приведем отрывок из романа, отражающий такие чувства:

«Утром Константин Левин выехал из Москвы и к вечеру приехал домой. Дорогой, в вагоне, он разговаривал с соседями **о политике, о новых железных дорогах**, и, так же как в Москве, его одолевала **путаница** понятий, недовольство собой, стыд пред чем-то; но когда он вышел на своей станции, узнал кривого кучера Игната с поднятым воротником кафтана, когда увидел в неярком свете, падающем из окон станции, свои ковровые сани, своих лошадей с подвязанными хвостами, в сбруе с кольцами и махрами, когда кучер Игнат, еще в то время как укладывались, рассказал ему **деревенские**

новости, о приходе рядчика и о том, что отелилась Пава, — он почувствовал, что понемногу **путаница** разъясняется, и стыд и недовольство собой проходят. Это он почувствовал при одном виде Игната и лошадей; но когда он надел привезенный ему тулуп, сел, закутавшись, в сани и поехал, раздумывая о предстоящих распоряжениях в деревне и поглядывая на пристяжную, бывшую верховую, донскую, надорванную, но лихую лошадь, он совершенно иначе стал понимать то, что с ним случилось. Он чувствовал себя собой и другим не хотел быть» [XVIII: 99].

Для Левина город (Москва) считается «развратным Вавилоном», по словам графини Нордстон. Для него город и горожане — объект презрения и ненависти.

«Для Константина Левина деревня была место жизни, то есть радостей, страданий, труда; для Сергея Ивановича деревня была, с одной стороны, отдых от труда, с другой – полезное противоядие испорченности, которое он принимал с удовольствием и сознанием его пользы. Для Константина Левина деревня была тем хороша, что она представляла поприще для труда несомненно полезного; для Сергея Ивановича деревня была особенно хороша тем, что там можно и должно ничего не делать» [Там же: 252].

Деревня привлекает Толстого и его alter ego Левина. Деревня — вне цивилизации и вне всяких соблазнов. Деревня есть «полезное противоядие испорченности», и, живя в деревне, можно прийти к душевному спокойствию.

Не только для Левина деревня — место, способное излечить от всего суетного, но и для близкой к природе Долли:

Вспомним, что время деревенской жизни для Долли так же было спасением от всех городских неприятностей.

Так или иначе круг жизненных вопросов вращается вокруг одной проблемы — проблемы счастья. Счастье есть некий пункт, к которому каждый стремится. Однако пути к его достижению отличаются. Деревня, в отличие от городской среды, не нуждается в благах цивилизации. Отрекаясь

от приносящих удовольствие, но не имеющих конца материальных благ, деревня обретает счастье и свободу. Желание, удовольствие циклично. Роскоши нет предела. Следовательно, стремящийся к обретению счастья и свободы должен отказаться от роскоши.

По Толстому, роскоши нет пределов. Пользующиеся благами цивилизации и культуры не должны лишаться благ и быть грубой толпой, но люди, обделенные земными благами должны подняться до уровня пользующихся благами. Должны стать участниками благ цивилизации и культуры. И средством для этого является наука, научающая побеждать природу, увеличивающая производительность, заставляющая работать электричеством реки и ветра. Однако только часть людей, имеющая власть, пользуется благами цивилизации, в то время как большая лишена материальных благ. Люди, имеющие власть, пользуются не тем, что им нужно, а тем, что им не нужно, всем, чем могут. Следовательно, увеличение благ напрямую имеет связь с употреблением нужного больше необходимого количества. Блага низших классов никакое увеличение производительности и богатств не увеличит: высшие классы имеют власть и охоту потреблять на роскошь избыток богатств.

В.Е. Ветловская в своей статье, анализируя систему неоднозначных мотивов и обращая внимание на общий план символической системы «Анны Карениной», отмечает: «Диалектика желаний как побудительной силы жизни — тема упорных размышлений Толстого в годы писания романа. На вопрос, что такое хотеть жить, он спрашивает в письме Н.Н. Страхову от 30 ноября 1875 года и отвечает: любить себя. «<...> Если бы было ясно для вас, как ясно для меня, что любить, желать и жить — одно и то же, то я прямо сказал бы, что в детстве мы желаем для себя, живем в себя, любим себя, а в старости живем не для себя, желаем вне себя, любим не себя, и что жизнь есть только переход из любви к себе, т. е. из жизни личной, т. е. этой, к любви не себя, т. е. к жизни общей, т. е. не этой, и потому на вопрос, что я должен делать, я ответил бы: любить не себя, т. е. каждый момент сомнения я разрешал бы

тем, чтобы выбирать то, где я удовлетворяю любви не к себе» [Ветловская, 1979].

Толстой протестует против современной ему культуры и форм прогресса, так как видит проблему и ошибочное предположение историков, публицистов, философов, педагогов, рассуждавших и писавших о пользе культурного прогресса, в том, что они не считаются с запросами и взглядами простого народа. Народ не признает блага за продуктами городской цивилизации (наукой, искусством, техникой), ибо, как пишет Асмус: «во-первых, потому, что не имеет экономической возможности ими пользоваться, во-вторых, потому, что вследствие недостатка грамотности и просвещения в большинстве случаев народ даже не знает о существовании этих благ — философии, науки, литературы и т. д.»

По Асмусу, для Толстого разделение труда на физический и умственный в условиях капиталистического общества есть противопоставленность бедности и богатства, труда и праздности, честный труд рабочего народа и отсутствие труда праздных людей, принадлежащих богатому классу.

Наиболее точно характеризующим Левина определением является «дикий». «Дикий» — значит близкий к природе и далекий от антиприроды, человек, принимающий «натуральность» и «естественность», но отвергающий фальшь и неестественность.

«Левин же только оттого не выпил водки, что ему оскорбительна была эта французенка, вся составленная, казалось, из чужих волос <...> Он, как от грязного места, поспешно отошел от нее <...>

Левин не то что был не весел, он был **стеснен**. С тем, что было у него в душе, ему **жутко** и **неловко** было в трактире, между кабинетами, где обедали с дамами, среди этой беготни и суетни; эта обстановка бронз, зеркал, газа, татар — все это было ему **оскорбительно**. Он боялся запачкать то, что переполняло его душу. <...> — Ты постарайся, войди в меня, стань на точку зрения **деревенского жителя**. Мы в **деревне** стараемся привести свои руки в

такое положение, чтоб удобно было ими работать; для этого обстригаем ногти, засучиваем иногда рукава. А тут люди нарочно отпускают ногти, насколько они могут держаться, и прицепляют в виде запонок блюдечки, чтоб уж ничего нельзя было делать руками. <...> мне **дик**, так же как мне **дик** теперь то, что мы, **деревенские жители**, стараемся поскорее наесться, чтобы быть в состоянии делать свое дело, а мы с тобой стараемся как можно дольше не наесться и для этого едим устрицы... <...> Ну, если это цель, то я желал бы быть **диким**» [XVIII: 40].

Принадлежащий к светскому обществу Степан Аркадьич, считая целью образования наслаждение, называет Левина диким: «в этом-то и цель образования: изо всего сделать наслаждение», «Ты и так **дик**. Вы все, Левины, **дики**» [Там же].

Стремление к счастью через желания равнозначно недостижению цели: новые желания отодвигают старые. Если скачущий (к примеру, Вронский) занимает первое или второе место, он будет находиться в том же положении, как и последний скачущий. Каждый, выбирая такой путь, попадает в цикличность, круг, так как это бесконечное движение по кругу: любая точка может быть концом и началом, следовательно, первых и последних не может быть. Любой из скачущих участвует в движении как бы мнимом, и потому несмотря на усилия он оказывается топчущимся на месте.

Достижение желаемого равнозначно появлению нового желания, и человек, достигший намеченной цели, неожиданно для себя оказывается в самом начале. Это бесконечно и циклично. В цивилизованной среде к такому выводу сложно прийти. Именно поэтому деревня становится чем-то вроде отказа от удовольствий, пустых желаний. Ведь Левин отрекается от этого.

«Ну, так что же я сделаю? Как я сделаю это?» – сказал он себе, стараясь выразить для самого себя все то, что он передумал и перечувствовал в эту короткую ночь. Все, что он передумал и перечувствовал, разделялось на три отдельные хода мысли. Один – это было отречение от своей старой жизни, от своих бесполезных знаний, от своего ни к чему не нужного образования. Это

отречение доставляло ему наслаждение и было для него легко и просто». [Там же: 292].

Интересно, что даже обладающий искусством держать себя достойно и имеющий привычку в обращении с лицами, занимающими высокое положение в обществе, Вронский, когда он был приставлен к приехавшему в Петербург иностранному принцу, находившему, «что одна из главных выгод теперешней легкости путей сообщений состоит в доступности национальных удовольствий», вдруг подобную жизнь находит неприятной:

«неприятное зеркало», «он невольно видел в нем себя самого», далее в гл. 3: «<...> **я в эту неделю как в зеркало смотрелся**, глядя на эту жизнь, и мне неприятно было» [Там же: 377].

Полосина определяет Толстого как тип русского аристократа, который не дал себя уловить ни соблазнам двора, ни службы, стал независимым писателем-философом.

Как отмечает исследователь, если Толстой и аристократ, то с точки зрения морали: «Во вторую половину жизни склонность Толстого смотреть на все сквозь призму этики достигла своей последней черты, а традиция оценивать все с точки зрения морали, идущая из XVIII века, нашла у русского мыслителя свое полное осуществление. Так, в дневнике 28 октября 1900 года. он пишет, что “есть аристократия не ума, но нравственности. Такие аристократы те, для которых нравственные требования составляют мотив поступков” (54, 52). В Толстом удачно соединялось присущее ему стремление к гармоническому соединению светской жизни с ее ритуалами и кодексом поведения с внутренними нравственными установками. В пристальном самоанализе, в стремлении соблюсти этические нормы, даже в приземленных обстоятельствах, проявляется врожденный аристократизм Толстого» [Полосина, 2009].

Можно заключить, что если Толстой и принимает прогресс, то прогресс нравственный. Писателем оцениваются морально-этические, нравственные ценности.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА В РОМАНЕ ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

«Простота жизни, языка, привычек придает силу народу, а роскошь жизни, вычурность языка и изнеженность привычек ведет к слабости и гибели»

Джон Рёскин

«Как только человек начинает прикладывать свой ум, только свой ум, к чему бы то ни было, так неизбежно он приходит к уничтожению того самого предмета, который он рассматривает: к сознанию только форм своего ума»

Л. Толстой

В главе будет представлен «языковой» аспект толстовского самосознания, приведены дневниковые мысли Толстого о языке, что позволит проследить работу Толстого над языком произведений, проследить связь стиля писателя с речью простого народа. Также здесь необходимо рассмотреть природу художественной речи, т.е. словесной материи «Анны Карениной». В романе господствует совершенно новое отношение слова к предмету изображения. Слово в романе выступает не только как средство изображения, но и как предмет изображения.

3.1. «Языковой» аспект толстовского самосознания

Велика была роль языка для Толстого, уже в ранней молодости которого занимали вопросы народного образования. Так, например, создавая простую и ясную «Азбуку», занимающую исключительное место в его творчестве, он писал, что работа над языком требует огромных усилий: всё должно быть одновременно красиво и коротко, просто и ясно.

В одном из писем к Н.Н. Страхову находим такие слова: «Язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что

только может желать сказать поэт, — мне мил. Язык этот <...> есть лучший поэтический регулятор» [XLVIII: 18].

О.В. Сливицкая, анализируя функции диалогов у разных писателей (1) изображение общения, 2) повествовательная функция и 3) драматургическая функция), отмечает, что разговор у Толстого представляет собой повествовательный эпизод и заключен «в капсулу: он и связан с художественным целым, и обладает определенной независимостью <...> Изображение у Толстого состоит из трех элементов: слова, внесловесные компоненты и авторский комментарий. Слова выражают сознание и, как правило, понятны обоим собеседникам. Внесловесные компоненты вовлекают в общение подсознание, и их язык внятен участникам разговора с некоторыми ограничениями. Авторский комментарий обращен к таким глубинам, которые недоступны участникам разговора, но которые должен понять читатель. Каждый отдельный диалог у Толстого индивидуален. Он зависит от человеческих качеств собеседников, от характера отношений между ними, от состояния, в котором они прибывают (коммуникабельности или некоммуникабельности), от содержания разговора, от ситуации, в которой он возник. <...> Для Толстого вопрос, как говорят, не менее важен, чем что говорят».³

Как было отмечено Б. Леннkvист, рассматривающей образно-мотивную структуру романа, Толстой как мастер слова не уступает Толстому-мыслителю: указания на язык, которым пользуются герои (английский, французский), английский роман, который читает Анна, английский роман между Анной и Вронским, («вся их совместная история приобретает явно «английскую» окраску») [Леннkvист, 2010: 8].

Однако английской жизни сопутствует фиктивность, искусственность, театральность, а значит, фальшь. Фикцией нельзя жить. Человек не может. В противном случае, несчастливый конец.

³ Об общении у Толстого см.: [Сливицкая, 2009].

К сказанному добавим, что Леннkvист, будучи переводчиком русской литературы, как переводчик Толстого, обращается также и ко французскому языку как языку чужому. Она с особым вниманием относится к слову, стремится показать «искусство Толстого именно как мастера слова» [Там же: 10].

Писатель переводит высказывание о языке Люси Малори: «Ложная наука и ложная религия выражают свои догматы всегда высокопарным языком, который непосвящённым кажется чем-то таинственным, важным и привлекательным. Рассуждения ученых людей часто бывают столь же мало понятны не только для других, но и для них самих, как речи профессиональных учителей веры. Педант ученый, пользуясь латинскими терминами и вычурными словами, часто делает из самого простого нечто столь же непонятное, как и латинские молитвы патеров для их неграмотных прихожан. Таинственность не есть признак мудрости. Чем мудрее человек, тем проще тот язык, которым он выражает свои мысли» [XLI: 588].

Кошут: «Язык человека — достаточное орудие, чтобы передать идеи, возникающие в человеческом уме; но в области истинного и глубокого чувства он только слабый переводчик» [XLII: 293].

3.2. «Цивилизация» в словесных мотивах романа

По Толстому, ясно предмет можно понять через передачу его на простонародном языке необразованному человеку.

В романе «Анна Каренина» особое внимание заслуживает «гибридная смесь языков», «языковой пуризм Лёвина». Говорить на иностранном языке — значит что-то скрывать, быть неискренним, в связи с чем возникает вопрос «Отучает ли образование от искренности и естественности?», на который дает ответ alter ego Толстого-ретрограда Левин-ретроград.

«И для чего она говорит по-французски с детьми? подумал он. — Как это неестественно и фальшиво! И дети чувствуют это. Выучить по-

французски и отучить от искренности», – думал он сам с собой, не зная того, что Дарья Александровна все это двадцать раз уже передумала и все-таки, хотя и в ущерб искренности, нашла необходимым учить этим путем своих детей» [XVIII: 287].

Для Левина, которому ненавистна даже непригодная для работы рука Гриневича («Левин молчал, поглядывая на незнакомые ему лица двух товарищей Облонского и в особенности на руку элегантного Гриневича, с такими белыми тонкими пальцами, с такими длинными желтыми, загибавшимися в конце ногтями и такими огромными блестящими запонками на рубашке, что эти руки, видимо, поглощали все его внимание и не давали ему свободы мысли. <...> сказал Левин, с ненавистью вглядываясь в руку Гриневича» [XIX: 111]), кажется странным употребление иностранного языка, более того, чем-то портящим и уродующим детей.

– «Нет, я не буду ломаться и говорить по-французски со своими детьми, но у меня будут не такие дети: – надо только **не портить, не уродовать детей**, и они будут прелестны. Да, у меня будут не такие дети» [XVIII: 287].

Одним из героев, который видит фальшь. Искусственность в высших обществах, является князь Щербацкий: — Что вы сделали? А вот что: во-первых, вы заманиваете жениха, и вся Москва будет говорить, и резонно. Если вы делаете вечера, так зовите всех, а не избранных женишков. Позовите всех этих тютюков (так князь называл московских молодых людей) <...> Мне видеть мерзко, мерзко, и вы добились, вскружили голову девчонке. Левин в тысячу раз лучше человек. А это франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну статью, и все дрянь» [Там же: 61].

Также характерен эпизод Ч.3, гл.3, где ярко и отчетливо выражается точка зрения считающего «образованное общество не выше мужиков» Левина на учреждения, школы и образование:

«– Как? Нельзя, хорошо разместив деньги, дать врачебную помощь?»

– Нельзя, как мне кажется... На четыре тысячи квадратных верст нашего уезда, с нашими зазорами, метелями, рабочею порой, я не вижу возможности давать повсеместно врачебную помощь. Да и вообще не верю в медицину.

– Ну, позволь; это несправедливо... Я тебе тысячи примеров назову... Ну, а школы?

– Зачем школы?

– Что ты говоришь? Разве может быть сомнение в пользе образования? Если оно хорошо для тебя, то и для всякого.

Константин Левин чувствовал себя нравственно припертым к стене и потому разгорячился и высказал невольно главную причину своего равнодушия к общему делу.

– Может быть, все это хорошо; но мне-то зачем заботиться об учреждении пунктов медицинских, которыми я никогда не пользуюсь, и школ, куда я своих детей не буду посылать, куда и крестьяне не хотят посылать детей, и я еще не твердо верю, что нужно их посылать? – сказал он» [XVIII: 259].

«<...> Я думаю, что двигатель всех наших действий есть все-таки личное счастье. Теперь в земских учреждениях я, как дворянин, не вижу ничего, что бы содействовало моему благосостоянию. Дороги – не лучше и не могут быть лучше; лошади мои везут меня и по дурным. Доктора и пункта мне не нужно, мировой судья мне не нужен, – я никогда не обращаюсь к нему и не обращаюсь. Школы мне не только не нужны, но даже вредны, как я тебе говорил. Для меня земские учреждения просто повинность платить восемнадцать копеек с десятины, ездить в город, ночевать с клопами и слушать всякий вздор и гадости <...>» [Там же: 260].

Считая материальный прогресс “результатом деятельности небольшой кучки людей, поставивших себе целью порабощение трудящихся”, Толстой отказывался признавать его благосостоянием: прогресс не существует без регресса, выгода— без невыгоды, польза— без вреда. Положение простого

народа, занимающегося хозяйством, не улучшается с увеличением изобретений. “Не из книг учились крестьяне своей работе. Следовательно, как другие изобретения, так и книгопечатание вредны для народа, так как они помогают богатым эксплуатировать народ. Здесь также уделяется внимание отношению Толстого к прикладным наукам: “<...> медицине якобы приходится, перешагнув через сотни людей, помогать только единицам и то таким, которые не вполне выздоравливают, становясь лишь бременем для себя и для общества. В лучшем случае, медицина может только залечить болезнь, но не предупредить ее. Народу не указывают, как избежать болезни, он не окружен необходимыми условиями, которые делали бы помощь врача излишней, но стараются лечить людей, когда уже поздно” [Квитко, 1930].

Вот, например, показателен такой отрывок:

«В конце зимы в доме Щербацких происходил консилиум, долженствовавший решить, в каком положении находится здоровье Кити и что нужно предпринять для восстановления ее ослабевающих сил. <...> Домашний доктор давал ей рыбий жир, потом железо, потом лапис, но так как ни то, ни другое, ни третье не помогало и так как он советовал от весны уехать за границу, то приглашен был знаменитый доктор. <...> все доктора учились в одной школе, по одним и тем же книгам, знали одну науку, и несмотря на то, что некоторые говорили, что этот знаменитый доктор был дурной доктор, в доме княгини и в ее кругу было признано почему-то, что этот знаменитый доктор один знает что-то особенное и один может спасти Кити. <...> **Князь** хмурился, покашливая, слушая доктора. Он, **как поживший, не глупый и не больной человек, не верил в медицину и в душе злился на всю эту комедию, тем более что едва ли не он один вполне понимал причину болезни Кити <...>**»

«Знаменитый доктор» прописывает то, что не повредит, а не то, что может вылечить:

«<...> если есть начало туберкулезного процесса, чего мы знать не можем, то поездка за границу не поможет. Необходимо такое средство,

которое бы поддерживало питание и не вредило. И знаменитый доктор изложил свой план лечения водами Соденскими, при назначении которых главная цель, очевидно, состояла в том, что они повредить не могут»

Даже самой Катерине Александровне кажется ее лечение неспособным улучшить ее душевное состояние:

«Когда доктор вошел, она вспыхнула, и глаза ее наполнились слезами. Вся ее болезнь и лечение представлялись ей только глупою, даже смешною вещью! Лечение ее представлялось ей столь же смешным, как составление кусков разбитой вазы. Сердце ее было разбито. Что же они хотят лечить ее пилюлями и порошками?» [XVIII: 127].

Приведенные отрывки текста являются наглядным примером солидарности Толстого с идеями Руссо: нападение на роскошь, отрицание смысла и прелести комфорта, губительное начало его и влияние на дух.

Такое отношение писателя к докторам и медицине. В «Войне и мире» и «Анне Карениной» он обвиняет «гениальных» докторов, приглашенных для «излечения» Наташи Ростовской и Кити Щербацкой. Подтверждается идея о бесполезности докторов вообще и их беспомощности.

Как и Руссо, Толстой не признает медицины. Медицина — это достояние сословия докторов. Это обуславливает любовь писателя к народным лечением и повитухам. [Берс, 1894].

ГЛАВА 4. ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»: ПОЭТИКА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

В главе исследования необходимо рассмотреть нарративную структуру романа, найти тематические эквиваленты в определенных эпизодах «Войны и мира», а также отметить образно-мотивную структуру «Анны Карениной».

***

О.А. Леонтович, описывая ряд коммуникативных методов исследования, пишет, что нарративный метод, являясь качественным методом, «направленным на интерпретацию повествования и уделяющим особое внимание временной последовательности, восходит к нарратологии», т. е. области исследования нарратива и его воздействия на человеческое восприятие. Термин был создан Цветаном Тодоровым в *Grammaire du Decameron* [Todorov, 1969]. Истоки направления находят у структуралистов (Ф. Де Соссюр, Р.О. Якобсон, В.Я. Пропп, К. Леви-Стросс и т. д.) Целью нарратологии является поиск формальных критериев описания нарративов, их систематизация, выстраивание моделей нарративов и выражаемых ими смыслов. Выделяются два ведущих подхода к анализу нарратива: 1) синтагматический, использованный в исследовании романа «Анна Каренина» (внимание направлено на цепочку действий и событий, темы, мотивы и сюжетные линии повествования), и 2) парадигматический, восходящий к структуралистским воззрениям К. Леви-Стросса, нацеленный на рассмотрение моделей оппозиций, которые существуют внутри нарратива и способствуют развитию истории. Этот подход использовался при анализе романа «Война и мир». [Леонтович, 2011].

В. Шмид в «Нарратологии» определяет особое место главе «Эквивалентность». Данное понятие означает «равноценность», «равнозначность», «равнозначимость», т.е. равенство по какой-либо ценности, по какому-либо значению. Шмид пишет, что в повествовательной прозе такое значение и такая ценность представляют, во-первых, либо

тематический признак повествуемой истории, который объединяет две или несколько тематических единиц помимо временных или причинно-следственных связей, во-вторых, либо формальные признаки, которые, в свою очередь, выступают на различных уровнях нарративной структуры. Сходство и оппозиция как два типа отношений включаются в эквивалентность. Следовательно, любая эквивалентность подразумевает одновременно как сходство, так и оппозицию элементов. Общее между сходством и оппозицией заключается в том, что соотносимые элементы идентичны по меньшей мере по отношению к одному признаку, а по отношению к другому – неидентичны. Два элемента могут иметь совпадения в каком-либо объединяющем признаке и в то же время быть неидентичными по отношению к другому признаку. Но оппозиция таких элементов подразумевает их сравнимость, сопоставимость наряду с их неидентичностью. Сопоставимость элементов оппозиции всегда основывается на совпадении этих элементов на более общем понятийном уровне, поскольку оппозиции нейтрализуются относительно более абстрактного, более родового признака. Сходство и оппозицию можно определить как связки совпадений и несовпадений относительно тех признаков, которые являются в данном контексте актуализированными.

Отмечается, что та или иная эквивалентность принимает форму сходства или форму оппозиции в зависимости не от количества тождественных или нетождественных признаков, но от места, которое соответствующие признаки занимают в иерархии произведения. Иерархизация, которой подвергаются признаки, может быть подвижной, переменной». Если произведение акцентирует определенный признак, в котором два элемента идентичны, то эквивалентность между ними выступает как сходство. В другой фазе может быть актуализирован признак, и если элементы по этому признаку неидентичны, то их эквивалентность выступает как оппозиция, независимо от того, в скольких других, неактуализированных признаках они совпадают. [Шмид, 2003].

Установление сходства или оппозиции — это вопрос интерпретации. А какие признаки в том или другом тексте являются актуализированными, зависит от точки зрения наблюдателя. Шмид в своей работе приводит следующий пример сходств и оппозиций в произведениях Л. Толстого:

Организирующая роль эквивалентности в «Анне Карениной» (роман нарративный, в котором строится огромный «лабиринт сцеплений»):

1) смерть железнодорожного сторожа, разрезанного колесами поезда “на два куска”, 2) образ свирепствующего любовника-убийцы, режущего тело убитого “на куски”, 3) смерть Анны Карениной под колесами поезда.

Здесь не избежать идеи Толстого о том, что во всем, почти во всем, что он писал, им руководила потребность собирания мыслей, которые сцеплены между собою для выражения себя, но каждая выраженная словами мысль теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится.

Прием тематической и формальной эквивалентности входит в “лабиринт сцеплений”.

Высказывания В. Шкловского о смысловой роли сцеплений в художественной литературе схожи с мыслью Толстого:

Художник добирается до сущности предмета через сопоставления-противоречия, и через остроумное противопоставление открывается сущность взаимоотношений людей.

И задача художественного произведения состоит в передаче жизни через создание таких сцеплений и выявления таких противоположностей, выясняющих сущность предмета.

Полосина утверждает, что главной особенностью творчества Толстого является настойчивая повторяемость найденных мотивов, тем, идей. Символика образов сложна и многослойна, и во всем этом играет важную роль словесная ткань. Б. Леннkvист доказывает в своей работе, что «никакие

повторы образов и мотивов неслучайны в романе», что должно иметь художественное объяснение.

4.1. Железная дорога

Прогресс, железные дороги есть как увеличение благосостояния народа, так и уменьшение его. Железные дороги означают доступность удовольствий. Но доступность удовольствий — это зло, точнее, орудие мирового зла. С железной дорогой в произведениях Толстого связано вредоносное и греховное начало.

Ссылаясь на слова Б.М. Эйхенбаума, И.Б. Павлова подчеркивает, что в романе «Анна Каренина» железная дорога играет «какую-то зловещую, мистическую роль – от начала (раздавленный сторож – «дурное предзнаменование», по словам Анны) и до конца. Это тоже какой-то символ, воплощающий в себе и зло цивилизации, и ложь жизни, и ужас страсти».

В «Анне Карениной» многие герои (даже дети) тем или иным образом связаны с «железной дорогой»: Сережа Каренин рассказывает дяде, что у них в учебном заведении сейчас играют в «опасную игру», в железную дорогу, Стива Облонский мечтает получить место «члена от комиссии соединенного агентства кредитно-взаимного баланса южно-железных дорог и банковских учреждений». В первых главах восьмой части произведения описывается, как Вронский отправляется добровольцем в Сербию. Действие происходит на станциях Курской железной дороги. Помимо товарных и пассажирских, по ней следовали и воинские поезда в случаях, если возникали военные конфликты у южных границ России. Так, «железная дорога» оказывается связанной с **войной, насилием**, непримиримым противником, обличителем которых и выступал Толстой. Железнодорожная «сеть» оплетает Анну и Вронского. Героиня покончила с собой на станции Обираловка Нижегородской железной дороги. Действие II, III, IV, V глав восьмой части романа, проводы Алексея Вронского происходят на станциях Курского

направления. Катастрофическое, гибельное начало, воплощенное в «железной дороге», пронизывает все произведение, определяет поступки героев, торжествует над Анной и Вронским страшную победу.

Первая встреча Анны с Вронским происходит в вагоне поезда. Железная дорога есть хронотоп отношений Вронского и Анны.

Объяснение в любви Вронского к Анне происходит на железнодорожной станции. Вся встреча, закрепляющая взаимную связь героев, происходит под звуки металла. Имя «Вронский» ассоциируется с металлом: «воронить», «вороненая сталь».

Разрезной ножик Анны – способ избавиться от стыда (когда она его сжимает обеими руками). Концентрация на ножике помогает героине рационально взглянуть на свои переживания: нет, «стыдного ничего не было». С помощью ножика она охлаждает свои горящие щеки.

Интересно, что первые звуки, услышанные Долли по приезде в имение Вронского и Анны – металлический звон.

У хозяев общее восхищение машинами, которые позже станут темой для разговоров за столом (жатвенные машины, и жатки эти могут только резать, но не вязать). Их новый проект – построение больницы. Она хорошо оборудована, со всеми новшествами: вентиляция новой системы, ванны мраморные, постели с необыкновенными пружинами, тачки такие, которые не будут производить шума, подвозя по коридору нужные вещи. Но это больница, в которой не будет родильного отделения. Анна не хочет иметь больше детей, утверждая, что использует свой разум («Зачем же мне дан разум, если я не употребляю его на то, чтобы не производить не свет несчастных»).

4.2. Английская тема

Связывается с железной дорогой и игра «по-английски» и таким образом участвует в создании роковой атмосферы вокруг этого топоса.

Первые английские слова произносятся Вронским, Анна тоже склонна к английским выражениям. Вронский представлялся Анне английским героем ее английского романа. Петербургская жизнь Вронского имеет английские тона (клуб, увлечения). Любовные отношения Вронского и Анны развиваются в самом английском месте – в салоне Бетси. После встречи с Вронским Анна, побывав в этом салоне, чувствует какую-то фальшь, неестественность и притворство этого кружка. Английская тема подразумевает современность и моду...

«В нынешнем же году назначены были офицерские скачки с препятствиями. Вронский записался на скачки, купил **английскую кобылу** и, несмотря на свою любовь, был страстно, хотя и сдержанно, увлечен <...>

Вронский опять невольно обнял одним общим взглядом все стати своей любимой лошади. Фру-Фру была среднего роста лошадь и по статям не безукоризненная. <...> Но у ней в высшей степени было качество, заставляющее забывать все недостатки; это качество была кровь, та кровь, которая сказывается, по **английскому** выражению» [XVIII: 192].

Долли при виде англичанки говорит, что это машина. Вместо внимательности она замечает в ней только механистичность.

Константин Левин говорит по-английски дурно, осуждая обычай родителей говорить с детьми на иностранном языке. Чужой язык — это маска, за которой человек может скрыть свою личность.

Во всем присутствует некое вмешательство человека в природу (опять же ненатуральное, неестественное). Долли невесело во время английской игры без детей. Все это театр, в котором умело играют актеры (переодевание Анны).

О.В. Сливицкая заключает, что железная дорога вплетается в сеть ненатурального, противоприродного и усиливает ту чужеродность, которой пронизано все «английское», от вещей до религии.

Атрибут «английский» – коррелят ненатуральности. Рационально построенная жизнь возводится в ранг высшей ценности и требует

вмешательства в природу, в ту «дикую натуру», которой еще живут в России.

Левин – защитник традиционного уклада жизни, считает, что роковым для русской жизни является строительство железной дороги.

Модернизация страны влечет за собой такие явления, как «машинность» работы на фабриках, тягу к роскошной жизни, биржевую игру. И английский роман Анны и Вронского, возникший на той же железной дороге, вписывается в картину ненатуральности и неорганичности, связанной с «англизацией» русской жизни в понимании Толстого. И неслучайно антиподом жизни в Воздвиженском предстает жизнь в имении Левина Покровское.

«Английское» в романе участвует в том противопоставлении, которое Толстой проводит через весь роман, между «своим» и «чужим», органичным и искусственным, правдой и ложью. Свое, родное обретается в Покровском, а в Воздвиженском жизнь движется по ложному, «сделанному» пути, который постепенно приводит героев к краху («что-то было **фальшивое** во всем складе их семейного быта»).

В основе толстовского творчества лежит чистота «нравственного чувства» и «живая жизнь».

«Я» – не созерцатель природы, «я» – часть природы. «Я» не вне природы, но достаточно сказать, что «я» внутри природы. По мнению Толстого, и человек, и история развиваются по общему закону: их движение зависит от множества подспудных мотивов, а не подчиняются разумному управлению. О.В. Сливацкая также пишет, что опорный образ Анны – железная дорога. Кроме того, что в этом многозначном образе железо – антипод живой жизни, рельсы – это еще и предопределенность: рельсовый путь – путь, с которого нельзя свернуть. [Сливацкая 2009].

С точки зрения Ю.В. Прокопчука, мировосприятие Толстого формировалось и развивалось под воздействием неких глубинных основ характера и склада ума, которые постепенно, время от времени проявлялись в его жизни, философских, религиозных сочинениях. Во-первых,

существенную роль в формировании толстовского мировосприятия сыграло представление о релятивности времени. Во-вторых, толстовское мировосприятие в основе своей органично, ему чуждо все искусственное, неестественное. При этом для личности, творчества Толстого характерно сочетание диалектичности и неподвижности, деятельности и недеяния, историзма и антиисторизма, антипрогрессизма. В-третьих, Толстой тяготеет к имперсональным формам при рассмотрении важнейших религиозных, социальных, политических вопросов. Часто Толстой далек от мыслительных схем, конструкций, характерных для мировосприятия западного человека; мировоззрение Толстого имеет много общего с восточной, прежде всего индуистской, буддийской и даосской традицией. Эти особенности толстовского мировосприятия как бы незримо присутствуют в его мыслительных конструкциях, относящихся к политической, экономической, социальной, культурной, религиозной сферам... Антиисторизм Толстого имеет глубокую этико-онтологическую и метафизическую основу. Отвержение цивилизации строится на неприятии не только культурно-прогрессистских подходов, но и временной парадигмы в целом. Отношение ко времени, историческому движению, прогрессу – та проблема, которая особенно волновала русских философов рубежа XIX – XX вв. Религиозные философы (Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский) часто упрекали церковь, монашеское христианство в презрении к плотской, земной жизни. Не избежал упреков и Лев Толстой, который отрицал самостоятельность плотской (исторической, временной и пр.) жизни как таковой и признавал реальной только духовную жизнь. Нелюбовь к прогрессу, историческому, временному в творчестве Толстого часто подвергалась критике со стороны русских религиозных философов... Распространены представления о Толстом как о ниспровергателе всего исторического величия, всех огромных форм жизни – движущихся и завоевывающих друг друга народов, цивилизаций, государств.

У Толстого мы находим диалектическое сочетание идей движения и

неподвижности. С одной стороны, «истина в движении только...», «люди как реки...». Кажется, движение как развитие, изменение, совершенствование привлекало Толстого всегда. С другой стороны, налицо антипрогрессизм Толстого, причем антиисторизм или, точнее, исторический нигилизм позднего Толстого подводит к выводу о тщете движения и важности идеала неподвижности. Слишком простым представляется объяснение, согласно которому Толстой одобрял прогресс внутренний (диалектику души, нравственное самосовершенствование), но не одобрял прогресс внешний – политический, экономический, культурный. Скорее, у Толстого – видение прогресса естественного и искусственного. Естественный прогресс лишен деланности, искусственного строительства чего-либо, он близок к природному началу, протекает легко и непринужденно.

***

Мужик-обкладчик становится неким образом-предвещанием несчастных событий, предзнаменованием чего-то неотвратимого:

«<...> Приближение поезда все более и более обозначалось движением приготовлений на станции, беганьем артельщиков, появлением жандармов и служащих и подъездом встречающих. <...> Слышался свист паровика на дальних рельсах и передвижение чего-то тяжелого. <...> Действительно, вдали уже свистел паровоз. Через несколько минут платформа задрожала, и, пыхая сбиваемым книзу от мороза паром, прокатился паровоз с медленно и мерно насупливающимся и растягивающимся рычагом среднего колеса и с кланяющимся, обвязанным, заиндевелым машинистом; а за тендером, все медленнее и более потрясая платформу, стал проходить вагон с багажом и с визжавшею собакой, наконец, подрагивая перед остановкой, подошли пассажирские вагоны. Молодцеватый кондуктор, на ходу давая свисток, соскочил, и вслед за ним стали по одному сходить нетерпеливые пассажиры: гвардейский офицер, держась прямо и строго оглядываясь; вертлявый купчик с сумкой, весело улыбаясь; **мужик с мешком** через плечо. <...> что-то случилось необыкновенное. Народ от поезда бежал назад.— Что?.. Что?..

Где?.. Бросился!.. задавило!.. <...> Сторож, был ли он пьян или слишком закутан от сильного мороза, не слышал отодвигаемого задом поезда, и его раздавили» [XVIII: 66].

Образ мужика-обкладчика представлен и во сне Вронского:

«Вронский был в эту зиму произведен в полковники, вышел из полка и жил один. <...> воспоминания безобразных сцен, виденных им в последние дни, перепутались и связались с представлением об Анне и мужике-обкладчике, который играл важную роль на медвежьей охоте; и Вронский заснул. Он проснулся в темноте, дрожа от страха, и поспешно зажег свечу. «Что такое? Что? Что такое страшное я видел во сне? Да, да. Мужик-обкладчик, кажется, маленький, грязный, со взъерошенной бородкой, что-то делал нагнувшись и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова» [Там же: 375].

Сон Вронского становится отражением сна Анны:

«– Что я умру. Я видела сон.

– Сон? – повторил Вронский и мгновенно вспомнил своего мужика во сне.

– Да, сон, – сказала она. – Давно уж я видела этот сон. Я видела, что я вбежала в свою спальню, что мне нужно там взять что-то, узнать что-то; ты знаешь, как это бывает во сне, – говорила она, с ужасом широко открывая глаза, – и в спальне, в углу, стоит что-то. <...> И это что-то повернулось, и я вижу, что это мужик с взъерошенной бородой, маленький и страшный. Я хотела бежать, но он нагнулся над мешком и руками что-то копошится там...

<...>Вронский, вспоминая свой сон, чувствовал такой же ужас, наполнявший его душу.

– Он копошится и приговаривает по-французски <...> я от страха захотела проснуться, проснулась... но я проснулась во сне. И стала спрашивать себя, что это значит. И Корней мне говорит: – «Родами, родами умрете, родами, матушка...» [XVIII: 382].

4.3. Концепт разрезания

Несмотря на то, что Толстой не был декадентом, он как человек, живший в конце XIX века, все же был затронут декадентством, вышедшим во Франции «из шинели» натурализма. И это "особенно заметно в том, как он использовал навязчивую, повторяющуюся деталь для расчленения целого и придания автономности части".

«Разрезание» значит разделить чем-либо режущим на части, вскрыть какую-нибудь часть тела, нарушить целостность чем-нибудь режущим; испортить что-либо.

«<...> Он смотрел на нее, как смотрит человек на сорванный им и завядший цветок, в котором он с трудом узнает красоту, за которую он сорвал и погубил его. И, несмотря на то, он чувствовал, что тогда, когда любовь его была сильнее, он мог, если бы сильно захотел этого, вырвать эту любовь из своего сердца, но теперь, когда, как в эту минуту, ему казалось, что он не чувствовал любви к ней, он знал, что связь его с ней не может быть разорвана». [XVIII: 379].

Вронский погубил Анну, Фру-Фру. Он оказывается убийцей, лишившим жизни «прелестных» созданий. Как лишаящаяся жизни Анна сравнивается с «натянутой струной», которая может порваться:

«То волшебное напряженное состояние, которое ее мучало сначала, не только возобновилось, но усилилось и дошло до того, что она боялась, что всякую минуту **порвется** в ней что-то слишком **натянутое**» [Там же: 111].

«—Я погибла, погибла! <...> Я — как **натянутая струна**, которая **должна лопнуть**. Но еще не кончено... и кончится страшно.

— Ничего, можно потихоньку **спустить струну**. Нет положения, из которого не было бы выхода <...>» [XVIII: 450].

Так же через чувства Вронского передается образ Анны как погибающей, лишаящейся жизни героини:

«Он чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни, была их любовь, первый период их любви. Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценой стыда. Стыд пред духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужас **убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством**» [Там же:158].

Толстым сравнивается Анна не только с натянутой струной, но и с подстреленной птицей:

«<...> Она перелетела ее, **как птица**; но в это самое время Вронский, к ужасу своему, почувствовал, что, не поспев за движением лошади, он, сам не понимая как, сделал скверное, непростительное движение, опустившись на седло. <...> едва успел выпростать ногу, как она упала на один бок, тяжело хрипя, и, делая, чтобы подняться, тщетные усилия своей тонкою потною шеей, **она затрепыхалась на земле у его ног, как подстреленная птица**. Неловкое движение, сделанное Вронским, **сломало** ей спину.

<...>Фру-Фру и, перегнув к нему голову, смотрела на него своим **прелестным** глазом. Все еще не понимая того, что случилось, Вронский тянул лошадь за повод. Она опять вся забилась, как рыбка, треща **крыльями** седла, выпростала передние ноги, но, не в силах поднять зада, тотчас же замоталась и опять упала на бок. С изуродованным страстью лицом, бледный и с трясущеюся нижнею челюстью, Вронский ударил ее каблуком в живот и опять стал тянуть за поводья. Но она не двигалась, а, уткнув хrap в землю, только смотрела на хозяина своим говорящим взглядом.

<...> когда Вронский упал и Анна громко ахнула, в этом не было ничего необыкновенного. Но вслед за тем в лице Анны произошла перемена, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. **Она стала биться как пойманная птица**: – то хотела встать и идти куда-то, то обращалась к Бетси [Там же: 222].

Разрезая ножиком роман, она проникает в иной мир, воображаемый мир, в котором сама желает жить.

«Анна <...> попросила Аннушку достать фонарик, прицепила его к ручке кресла и взяла из своей сумочки **разрезной ножик и английский роман**. Первое время ей не читалось.

Но делать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками **гладкий ножичек**, усиливалась читать. Герой романа уже начинал достигать своего **английского** счастья, баронетства и имения, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого. Но чего же ему стыдно? «Чего же мне стыдно?» — спросила она себя с оскорбленным удивлением. Она оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крепко сжав в обеих руках **разрезной ножик**. Стыдного ничего не было. Она перебрала все свои московские воспоминания. <...> ничего не было стыдного. А вместе с тем на этом самом месте воспоминаний чувство стыда усиливалось, как будто какой-то внутренний голос именно тут, когда она вспомнила о Вронском, говорил ей: «Тепло, очень тепло, горячо. <...>» [XVIII: 108].

«Она провела **разрезным ножом** по стеклу, потом приложила его гладкую и холодную поверхность к щеке и чуть вслух не засмеялась от радости, вдруг беспричинно овладевшей ею». [Там же].

«Согнутая тень человека проскользнула под ее ногами, и послышались **стуки молотка по железу**. <...> Она оглянулась и в ту же минуту узнала лицо Вронского. <...> — Вы знаете, я еду для того, чтобы быть там, где вы, — сказал он, — я не могу иначе. И в это же время, как бы одолев препятствия, ветер засыпал снег с крыши вагона, затрепал **каким-то железным оторванным листом**, и впереди **плачевно и мрачно заревел густой свисток паровоза**» [Там же].

4.4. Государство как механизм

Также в романе-эпопее «Война и мир», над которым писатель работал более шести лет, прямо или косвенно отражены ненависть к новому восходящему классу буржуазии и критика царско-бюрократического режима и духовенства. Сравним Каренина и героев романа-эпопеи.

«Алексей Александрович, столь сильный человек в государственной деятельности, тут чувствовал себя бессильным. Как бык, покорно опустив голову, он ждал обуха, который, он чувствовал, был над ним поднят» [Там же: 157].

Анна говорит о нем:

«Вообще он скажет со своею государственною манерой и с ясностью и точностью, что он не может отпустить меня, но примет зависящие от него меры остановить скандал. И сделает спокойно, аккуратно то, что скажет. Вот что будет. **Это не человек, а машина, и злая машина, когда рассердится** <...> Анна слушала его тонкий, ровный голос, не пропуская ни одного слова, и каждое слово его казалось ей **фальшиво** и болью **резало** ее ухо.

– Это не мужчина, не человек, это кукла! Никто не знает, но я знаю. О, если б я была на его месте, я бы давно убила, я бы **разорвала** на куски эту жену, такую, как я, а не говорила бы: – ты, ma chere, Анна. Это не человек, это **министерская машина**» [Там же: 380].

Мы привели отрывок из «Анны Карениной». Для того чтобы привести примеры из «Войны и мира» прежде всего рассмотрим типы эквивалентностей, определенных В. Шмидом.

Таблица 1. Типы эквивалентностей

ТЕМАТИЧЕСКИЕ	ФОРМАЛЬНЫЕ	ФОНИЧЕСКАЯ
1)основывается на актуализированном	основывается на формальном признаке	выступают как аппеллятивные знаки

<p>тематическом признаке, т.е. на отобранном для данной истории свойстве, объединяющем два или больше элементов истории;</p> <p>2)образовывает основные отношения семантического построения, ось, на которой формальные эквивалентности «выкристаллизовываются»</p> <p>По нарративной субстанции распадается на:</p> <ul style="list-style-type: none"> - персонажей - ситуаций: *изоперсональные (относящиеся к тому же персонажу) *гетероперсональные (относящиеся к разным персонажам) -действий: *изоперсональные (относящиеся к тому же персонажу) *гетероперсональны 	<p>На уровне истории различаются:</p> <ul style="list-style-type: none"> - по степени селективности - по позиции (позиционная эквивалентность) <p>В плане наррации формальная эквивалентность проявляется также как позиционная.</p> <p>На уровне презентации наррации возможны различные типы эквивалентности, основывающиеся на таких признаках, как стиль, (лексика, синтаксис), передача речи и мысли (прямая, косвенная, несобственно-прямая речь), имплицитная оценочность названий</p>	<p>или сигналы, призывающие соотнести и в тематическом плане элементы, на которых они проявляются.</p> <p>1.Фоническая эквивалентность $\Leftrightarrow$тематическая смежность</p> <p>2.Фоническая эквивалентность $\Leftrightarrow$ тематическая эквивалентность</p> <p>-то что в плане формальном является эквивалентным, оказывается в плане тематическом не эквивалентным, а смежным</p> <p>-то, что в плане формальном является эквивалентным, оказывается эквивалентным и с точки зрения тематики.</p> <p>*формальная эквивалентность</p>
---	---	--

е (относящиеся к разным персонажам)		<p>подчеркивает маркированную (т.е. явную) уже тематическую эквивалентность. *формальная эквивалентность создает не существующую еще тематическую эквивалентность, активизируя тематический признак, не отобранный в истории. *формально эквивалентные элементы в плане тематическом не оказываются ни эквивалентными, ни смежными (нулевой эффект).</p>
-------------------------------------	--	--

Так как всякая формальная эквивалентность имеет связь с тематической эквивалентностью, далее, опираясь на таблицу, рассмотрим эквивалентности в «Войне и мире» в эпизодах: Т.4, ч.1, гл.10 (разговор маршала Даву с Пьером Безуховым) и Т.4, ч.1, гл. 10 (разговор военного

министра графа Аракчеева с Андреем Болконским), Т.3, ч.1., гл. 5., (разговор Балашева и Даву).

1) изоперсональная эквивалентность ситуации

(Пьер молчал и Пьер заговорил)

Пьер **молчал**, но потом когда "Даву приподнял голову, приподнял очки на лоб, прищурил глаза и пристально посмотрел на Пьера <...>

С неожиданным раскатом в голосе Пьер вдруг **быстро заговорил** <...>» [IV]⁴.

2) изоперсональная оппозиция

(в глазах маршала Пьер как обстоятельство и Пьер как человек)

«В первом взгляде для Даву, приподнявшего только голову от своего списка, где людские дела и жизнь назывались номерами, **Пьер** был только **обстоятельство**; и, не взяв на совесть дурного поступка, Даву застрелил бы его; но теперь уже он видел в нем **человека**. Он задумался на мгновение» [Там же].

3) гетероперсональная эквивалентность ситуации

И Пьер, и Даву — это дети человечества:

«Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. **Оба они** в эту одну минуту смутно **перечувствовали** бесчисленное количество вещей и **поняли**, что **они оба дети человечества, что они братья**» [IV].

4) изоперсональная эквивалентность действий

Маршал Даву совершает одинаковые действия:

«Даву **приподнял голову, приподнял очки на лоб**, прищурил глаза и **пристально посмотрел на Пьера**. <...> Даву **поднял глаза и пристально**

⁴ Толстой Л.Н. Война и мир. В 4 т. Т. 1. М., Просвещение, 1987. 287 с.; В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте дипломной работы с указанием тома римской цифрой.

посмотрел на Пьера <...> В первом взгляде для Даву, **приподнявшего** только **голову** от своего списка. <...> Даву, **не поднимая** глаз, видимо справлялся с какой-то бумагой, лежавшей перед ним. **Не поднимая** же глаз, он тихо спросил» [IV].

5) гетероперсональная эквивалентность действий

«<...> передвигал ногами вместе с другими до тех пор, пока **все остановились**, и **он остановился**» [Там же].

Наблюдается здесь уличение Толстым порядка и обстоятельств, в которых находился его герой.

«Одна мысль за все это время была в голове Пьера. Это была мысль о том: кто, кто же, наконец, приговорил его к казни. Это были не те люди, которые допрашивали его в комиссии: из них ни один не хотел и, очевидно, не мог этого сделать. Это был не Даву, который так человечески посмотрел на него. Еще бы одна минута, и Даву понял бы, что они делают дурно, но этой минуте помешал адъютант, который вошел. И адъютант этот, очевидно, не хотел ничего худого, но он мог бы не войти. Кто же это, наконец, казнил, убивал, лишал жизни его — Пьера, со всеми его воспоминаниями, стремлениями, надеждами, мыслями? Кто делал это? И Пьер чувствовал, что это был никто. Это был порядок, склад обстоятельств. Порядок какой-то убивал его — Пьера, лишал его жизни, всего, уничтожал его» [IV].

«Лично князь Андрей не знал Аракчеева и никогда не видал его, но все, что он знал о нем, мало внушало ему уважения к этому человеку» [III].

«У графа Аракчеева был совершенно особенный характер приемной. На неважных лицах, ожидающих очереди аудиенции в приемной графа Аракчеева, написано было чувство пристыженности и покорности; на более чиновных лицах выражалось одно общее чувство неловкости, скрытое под личиной развязности и насмешки над собою, над своим положением и над ожидаемым лицом. Иные задумчиво ходили взад и вперед, иные, шепчась, смеялись, и князь Андрей слышал *sobriquet* 2 «Силы Андреича» и слова: «дядя задаст», относившиеся к графу Аракчееву. Один генерал (важное

лицо), видимо оскорбленный тем, что должен был так долго ждать, сидел, перекладывая ноги и презрительно сам с собой улыбаясь» [Там же].

б) гетероперсональная эквивалентность ситуации

«Но как только растворялась дверь, на всех лицах выражалось мгновенно только одно — страх. Князь Андрей попросил дежурного другой раз доложить о себе, но на него посмотрели с насмешкой и сказали, что его черед придет в свое время» [II].

7) изоперсональная эквивалентность действия

«Аракчеев поворотил к нему голову, не глядя на него».

«<...> перебил Аракчеев, только первые слова сказав ласково, опять не глядя ему в лицо» [II].

«Даву, не поднимая глаз, видимо справлялся с какой-то бумагой, лежавшей перед ним. Не поднимая же глаз, он тихо спросил» [IV].

«Даву был Аракчеев императора Наполеона — Аракчеев не трус, но столь же исправный, жестокий и не умеющий выражать свою преданность иначе как жестокостью» [III].

Даву — это Аракчеев. Их объединяют жестокость, мрачность, хмурость, грубость, характер их приемной;

«После нескольких лиц, введенных и выведенных адъютантом из кабинета министра, в страшную дверь был впущен офицер, поразивший князя Андрея своим униженным и испуганным видом. Аудиенция офицера продолжалась долго. Вдруг из-за двери послышались раскаты неприятного голоса, и бледный офицер, с трясущимися губами» [II].

«Князь Андрей вошел в небогатый опрятный кабинет и у стола увидел сорокалетнего человека с длинной талией, с длинной, коротко обстриженной головой и толстыми морщинами, с нахмуренными бровями над каре-зелеными тупыми глазами и висячим красным носом» [III].

Каренин, Аракчеев, Даву: все они часть механизма государственного организма.

«В механизме государственного организма нужны эти люди, как нужны волки в организме природы, и они всегда есть, всегда являются и держатся, как ни несообразно кажется их присутствие и близость к главе правительства. Только этой необходимостью можно объяснить то, как мог жестокий, лично выдиравший усы гренадерам и не могший по слабости нерв переносить опасность, необразованный, непридворный Аракчеев держаться в такой силе при рыцарски-благородном и нежном характере Александра» [III].

Оживление заменяется на мрачность:

«Балашев застал маршала Даву в сарае крестьянской избы, сидящего на бочонке и занятого письменными работами (он поверял счета). Адъютант стоял подле него. Возможно было найти лучшее помещение, но маршал Даву был один из тех людей, которые нарочно ставят себя в самые мрачные условия жизни, для того чтобы иметь право быть мрачными. Они для того же всегда поспешно и упорно заняты. «Где тут думать о счастливой стороне человеческой жизни, когда, вы видите, я на бочке сижу в грязном сарае и работаю», — говорило выражение его лица. Главное удовольствие и потребность этих людей состоит в том, чтобы, встретив оживление жизни, бросить этому оживлению в глаза свою мрачную, упорную деятельность. Это удовольствие доставил себе Даву, когда к нему ввели Балашева. Он еще более углубился в свою работу, когда вошел русский генерал, и, взглянув через очки на оживленное, под впечатлением прекрасного утра и беседы с Мюратом, лицо Балашева, не встал, и не пошевелился даже, а еще больше нахмурился и злобно усмехнулся» [III].

«Заметив на лице Балашева произведенное этим приемом неприятное впечатление, Даву поднял голову и холодно спросил, что ему нужно» [Там же].

«В противность ожидания его, Даву, выслушав Балашева, стал еще суровее и грубее» [III].

«И как будто для того, чтобы еще больше дать почувствовать русскому генералу его зависимость от грубой силы, Даву послал адъютанта за дежурным» [Ш].

«Даву взглянул на него молча, и некоторое волнение и смущение, выразившиеся на лице Балашева, видимо, доставили ему удовольствие» [Там же].

Как отмечает О.О. Путило, в толстовских произведениях «душевная жизнь предстает в виде бесконечной и прихотливой смены состояний, над которыми не властно сознание, – текучесть человеческих переживаний, безостановочный процесс следующих друг за другом и часто противоречивых движений составляет главную сущность толстовского метода при изображении душевной жизни. Сознание разлагает ее на моменты и оформляет самую последовательность». Данный способ психологического анализа, получивший наименование «диалектика души», был впервые отмечен Н.Г. Чернышевским, а затем тщательно исследован современными учеными (С.Г. Бочаров, Л.Я. Гинзбург, П.П. Громов, А.Б. Есин, Т.С. Карлова, А.П. Скафтымов, И.В. Страхов, Б.М. Эйхенбаум и др.). [Путило, 2008].

Толстым было осуществлено художественное исследование бытия человека в сочетании «ума ума» и «ума сердца»: первое строится на рассуждениях, в основе которых лежат чувства и ощущения, в первую очередь – иррациональное восприятие мира. Т.е. здесь имеет место говорить о чувствах, которые превалируют над разумом, контролируя рассудок, процесс мышления подменяется интуицией, на основе которой и совершается поступок. Логику и анализ можно назвать «умом ума», в основе которого лежит рациональное начало, контролирующее эмоции и заставляющее героев художественных произведений совершать поступки на основе обоснованных разумом фактов. Конечно, словосочетание «ум сердца» подразумевает наличие не только эмоционального, но и рационального, потому что чувство не существует отдельно от разума, однако «ум»

анализирует и оценивает в первую очередь не логические выкладки, а выводы, сделанные «сердцем» [Там же].

Отношение ко времени, историческому движению, прогрессу – та проблема, которая особенно волновала русских философов рубежа XIX – XX вв. Религиозные философы (Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский) часто упрекали церковь, монашеское христианство в презрении к плотской, земной жизни. Не избежал упреков и Лев Толстой, который отрицал самостоятельность плотской (исторической, временной и пр.) жизни как таковой и признавал реальной только духовную жизнь.

Интересно замечание Айхенвальда, что если Толстому не нравится жизнь, в которой он видит внутреннюю ложь, то она всегда изображается как обряд, берется ее механическая и внешней сторона. Критик, приводя в пример пьесу «Плоды просвещения», выполняющую функцию обличения, пишет, что, по Толстому, близость к первоисточкам природы делает человека мудрее, откуда и толстовские «призыв к опрощению и недоверие к плодам просвещения и цивилизации <...> противопоставление города и деревни, цивилизации и первобытности, науки и невежества”. “Три смерти” Айхенвальд трактует следующим образом: «Звук топора, чуждый стихии; чужой человеческий шум, который врывается в первобытное звучание леса, всей природы вообще, — вот что является началом всяческой разрухи и всяких дисгармоний, вот зерно трагедии». [Айхенвальд, 1994].

В.Т. Романенко в своей работе “Чехов и наука”, сравнивая взгляды Толстого и Чехова на прогресс, обращает внимание на то, что “уверовавший в прогресс” Чехов к толстовской философии относился отрицательно, он подчеркивал значимость естественнонаучных знаний для писателя, метода материалистической науки, то влияние, какое оказывают на мировоззрение писателя медицинские науки.

Приводя в пример слова Чехова, автор пишет, что Толстым всем фактическим содержанием отрицается прогресс человечества.

Отрицание общего прогресса человечества сочеталось у него с нападками на университеты и университетское образование, на науку, особенно на естествознание, политическую экономию, и все это во имя «первобытной, инстинктивной потребности добра», которую в человеке якобы глушит цивилизация, во имя идеи самоусовершенствования, во имя добродетели заскорузлого патриархального мужичка. К этой стороне учения Толстого Чехов относился особенно недружелюбно. «Во мне течет мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродетелями. Я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная... Расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса»” [Романенко, 1962].

Романенко пишет, что Толстым действительно отрицались важные открытия биологической науки XIX века (например, эволюционное учение, учение о клетке) ввиду того, что открытия эти вредят религиозному миросозерцанию. Автор не оставляет незамеченным то, что учение Толстого как в целом, так и в частностях было враждебно материалистической науке.

Другим исследователем отмечается даже сближение автора "Люцерна" с автором "Ярмарки тщеславия" Теккереем: обоими критикуется буржуазная цивилизация с позиции умозрительных "вечных" начал нравственности. [Нуралова, 1985].

Несколько иначе трактует толстовское отношение к медицине и ее деятелям Э.М. Конюс, маркируя то, что Толстым отрицался только определенный род медицины и врачей:

«Л.Н. Толстой осуждал здесь не науку вообще, а "науку", приспособляющуюся к эксплуататорскому строю, повседневно подрывающему здоровье широких масс. <...> независимо от парадоксальной формы, по существу в том и другом случае ставился один и тот же вопрос о том, что медицина бессильна в условиях народной нищеты и несправедливости. <...> Медицина последних десятилетий XIX века, к которым относится творчество

Л.Н. Толстого, была богата примерами одностороннего увлечения узкой специализацией, механическим разложением больного на отдельные органы, под влиянием односторонне понятого учения Вирхова об организме как о федерации клеток. Неполющенность, бесперспективность такого направления Толстой остро чувствовал, именно эту медицину он осуждал, как осуждал и тип преуспевающего врача с богатой практикой. Толстой решительно восставал против того, что у врачей наука, точнее, научная техника, заслонила больного человека. [Конюс, 1940].

Д.Ю. Квитко в работе “Философия Толстого” видит “панический страх Толстого перед культурой, как перед надвигающейся грозой”, перед машиной, являющейся “плотью материального прогресса и душой науки” и в которой «кроются те адские силы, которые, раз освободившись, выместят всю злобу на человеке за нанесенные им обиды, за желание их поработить. Олицетворением этой страшной силы для него служила машина («Машина есть страшная машина. Если бы явно понимали ее опасность, мы никогда не допустили бы ее образования»»)» [Квитко, 1930].

Подчеркивается, что для писателя, как и часто посещавших родительский дом странников, материальный прогресс (цивилизация) стал «смертельным врагом» морального прогресса (христианства), так, почти с начала своей литературной деятельности он ополчился против цивилизации и до смерти своей остался ее врагом.

С ростом и развитием материального прогресса растет и развивается и неравенство между простым народом и людьми высшего круга — вот что так возмущало Толстого.

Итак, можно подвести итог: все изложенные записи свидетельствуют о том, что Толстой в своей общественной деятельности, в своих произведениях выступает в роли защитника народа, а также обличителя существующих в стране порядков, вскрывающего глубину противоречий между ростом богатства цивилизации и ростом нищеты, одичалости народа и мучений

рабочих масс. Подтверждается убеждение Толстого в «обратности» развития цивилизации по отношению к развитию добрых нравов общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ творчества Л.Н. Толстого в аспекте «механическом» (рассмотрение смыслового поля «цивилизации», анализ символической топографии города и деревни, пространственной организации, особенностей толстовского видения, отразившегося в пространственных представлениях, «языковой» аспект толстовского самосознания, рассмотрение нарративной структуры романа) в связи с его отношением к драме модернизации показал, что в порицании городов и городской жизни, в отрицании комфорта и нелюбви к железным дорогам, медицине и докторам выражается отвращение к цивилизации писателя, европейски образованного, но рассматривавшего явления культуры с точки зрения патриархального крестьянина. Необходим прогресс внутренний (диалектика души, нравственное самосовершенствование), естественный, близкий к природному началу, а не прогресс внешний (политический, экономический, культурный), искусственный. Анализ нарративной структуры романа через типы эквивалентностей В. Шмида позволил выявить соответствующую смысловую линию. Всякая формальная эквивалентность имеет связь с тематической эквивалентностью, следовательно, подсказывает ее. В романе «Война и мир» были рассмотрены характерные эпизоды, где герои сопоставляются с неким механизмом («механизмы государства»), причём цивилизация оказывается антиприродна, порочна, она приводит не к увеличению благосостояния, а к уменьшению его. Если прогресс должен быть, то только внутренний, моральный, не массовый, а индивидуальный. Важно нравственное совершенствование индивида, возможное в условиях деревенской жизни и невозможное в развращающей городской среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994.
2. Алябьева С.В. Жизнеучение Л.Н. Толстого в контексте современной философской антропологии: автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2006.
3. Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969, С. 40-101.
4. Барабаш О.В. Психологизм как конструктивный компонент поэтики романа Л.Н. Толстого "Анна Каренина": дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
5. Белая И.А. Буддизм как теоретический источник учения сознания жизни Л.Н. Толстого [Электронный ресурс]// Этическая мысль. Вып.2. М., 2001. URL: <http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em2/12.pdf> (дата обращения: 17.02.17)
6. Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. [Электронный ресурс]. Смоленск, 1894.С. 60.URL: <http://tolstoylit.ru/tolstoy/vospominaniya/v-vospominaniyah-sovremennikov/bers-vospominaniya-o-grafe-tolstom.htm> (дата обращения: 10.06.17)
7. Вейкшан В.А. Л.Н. Толстой – Народный учитель. М.: Гос. учебно-педагогич. Изд-во министерства просвещения РСФСР, 1959.
8. Волынский А.Л. Нравственная философия гр. Л. Толстого // Северный Вестник. 1891. N10. 196 с.
9. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой: Философско-исторические основы единения людей // Единение людей в творчестве Л.Н. Толстого. Ottawa, Canada, 2002.
10. Гельфонд М.Л. Нравственно-религиозное учение Л.Н. Толстого: теоретическое содержание и нормативный смысл: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 2011.

11. Горьковская Н.В. Художественная феноменология эмоциональной жизни в романе Л.Н. Толстого "Анна Каренина: стыд и вина: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
12. Гуреева Н.В. Поэтика романа Л.Н. Толстого "Анна Каренина": бессознательное, художественное время, цветовая образность: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006.
13. Достоевский Ф.М. Записки из подполья. [Электронный ресурс] М.: Художественная литература, 1957. URL: <http://public-library.ru/Dostoevsky.Fedor/zapizpod.html> (дата обращения: 15.11.2016)
14. Ду Жуй. Типология Драматизма: На материале романов Л.Н. Толстого "Анна Каренина" и "Воскресение" и А.Н. Толстого "Хождение по мукам": дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
15. Ежова Н.Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов в романе Л. Н. Толстого "Анна Каренина": дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.
16. Касьян Н.В. Проблема свободы и необходимости в романе Л. Н. Толстого "Анна Каренина" и ее интерпретация российскими учеными: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002.
17. Квитко Д.Ю. Философия Толстого. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. 227 с.
18. Ключова М.Л. Л.Н. Толстой и А. Швейцер: о рационализме и мистике в этике... // Вопросы философии, N4. 2006.
19. Ключова М.Л. Этический рационализм Л.Н. Толстого: дис. ... канд. философ. наук. М., 2000.
20. Конюс Э.М. Лев Толстой и пропаганда медицинских знаний. М.: Изд. Наркомздрава СССР, 1940. 55 с.
21. Лев Толстой в Иерусалиме: материалы междунар. науч. конф. «Лев Толстой: после юбилея», Москва, 24—26 октября 2011 / отв. ред. Е.Д. Толстая. М.: НЛЮ, 2013.
22. Леннквист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна

Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 127 с.

23. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.

24. Леонтьев К. О романах гр. Л.Н. Толстого: Анализ; Стиль; Веяние. М., 1911.

25. Матич О. Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России: пер. с англ. Елены Островской. М.: НЛЮ, 2008.

26. Медынский Е. Педагогические идеи Л.Н.Толстого // Вестник просвещения, 1928, №9, С.28-36.

27. Минский Н.М. Толстой и реформация. М.: Заря, 1910.

28. Морозов В. С. Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., 1917. С. 96–97.

29. Нуралова С. Э. Теккерей и Л. Н. Толстой. М.: Книжная палата, 1985.

30. Одинокое, В. Г. Поэтика романов Л. Н. Толстого. Новосибирск, 1978. 160 с.

31. Педагогическое наследие Л. Н. Толстого и современность // Тезисы докладов XXI Толстовских чтений. Тула, 1993.

32. Плеханов Г.В. Литература и эстетика. В 2-х т. Т.2. М.: ГИХЛ, 1958.

33. Полосина А. Толстой об аристократизме и аристократах // Нева. [Электронный ресурс]. 2009. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/9/po14.html> (дата обращения: 06.10.2016).

34. Полякова, Е.А. Поэтика драмы и эстетика театра в романе: «Идиот» и «Анна Каренина». М.: РГГУ, 2002. 328 с.

35. Проскурина Т.Д. Идеино-художественные особенности воплощения "мысли семейной" в романах Л.Н. Толстого "Анна Каренина" и М. Е. Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы": дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001.

36. Проскурина Т.Д. Русские писатели XIX века о семье. Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2012.

37. Путило О.О. Рациональное и эмоциональное в прозе "молодого Толстого": автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
38. Ранчин А.М. Переключка Камен. Филологические этюды. М.: НЛЮ, 2013.
39. Рехо К. Лев Толстой и Лао-цзы (теория неделания и образ Кутузова) // Мир филологии. М., 2000.
40. Решетов Д.В. Романы Г.Флобера "Мадам Бовари" и Л.Н. Толстого "Анна Каренина": Философско-эстетическое осмысление проблемы самоубийства: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005.
41. Романенко В. Чехов и наука. Харьков, Кн. изд-во, 1962. 208 с.
42. Сальников В. М. Экология человека: мы и современная цивилизация // Слово.ру: Балтийский акцент. [Электронный ресурс]. 2014. №1. С.107-113. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-cheloveka-my-i-sovremennaya-tsivilizatsiya> (дата обращения: 15.11.2016).
43. Самусенко И. М. Понимание цивилизации как феномена культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. [Электронный ресурс]. 2008. №8. С.412-419. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-tsivilizatsii-kak-fenomena-kultury> (дата обращения: 15.11.2016).
44. Скабичевский А.М. Разлад художника мыслителя (по поводу романа «Анна Каренина»), 1878.
45. Сливицкая О.В. «Истина в движении». О человеке в мире Л. Толстого. СПб.: Амфора, 2009. С. 61–304.
46. Соловьев Е.А. Л.Н. Толстой, его жизнь и литературная деятельность: биогр. очерк: с портр. Толстого, грав. в Петербурге К. Адтом [Соч.] Евгения Соловьева. Спб., 1897.
47. Степаненко А.К. Сюжетно-композиционная структура романа Л.Н. Толстого "Анна Каренина": автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005.

48. Суркова Ж.Л. Поэтика романа Л.Н. Толстого "Анна Каренина": Идиллические мотивы и эсхатологическая символика: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003.
49. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. М., Учпедгиз, 1953.
50. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928-1958. [Электронный ресурс]. URL: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/>
51. Толстой Л.Н. Война и мир. В 4 т. Т. 1. М., Просвещение, 1987. 287 с.
52. Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной». Из воспоминаний // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1939. Кн. II. С. 570. (Лит. наследство; т. 37/38).
53. Хомяков А.С. Письмо в Петербург по поводу железной дороги // Полн. собр. соч.: в 8 т. М.: Университетская типография, 1900. Т.I. С.425.
54. Чернышева А.В. Н.К. Рерих о необходимости сбалансированности системы «Культура - цивилизация» // Вестник ВятГГУ. 2011. [Электронный ресурс]. №2-4. С.47-52. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/n-k-rerih-o-neobhodimosti-sbalansirovannosti-sistemy-kultura-tsvivilizatsiya> (дата обращения: 15.11.2016).
55. Шацкий С.Т. Педагогическое и художественное творчество Толстого // Народное просвещение, 1928, N8-9, С.180-188.
56. Шевцова Д.М. Функционирование библейских эпитафий в художественной структуре романов Л.Н. Толстого ("Анна Каренина", "Воскресение") и Ф. М. Достоевского ("Братья Карамазовы"): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1997.
57. Шифман А.И. Толстой и Восток. М., 1971. [Электронный ресурс]. URL: <http://greylib.align.ru/1014/aleksandr-shifman-lev-tolstoj-i-vostok-tolstoj-i-iran.html> (дата обращения: 17.09.16)
58. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

59. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования, статьи. С. 654

Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Семидесятые годы. Л.: Сов. писатель, 1960.

60. Юбилейный сборник: материалы науч. конф. «К 100-летию Государственного музея Л.Н. Толстого», Москва, 25 ноября—1 декабря 2011 / отв. ред. Л.В. Гладкова. М., 2012.

61. Morson Gary Saul. *Anna Karenina in Our Time. Seeing More Wisely.* (New Haven: Yale University Press, 2007), 245 с.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева
« 16 » _____ 2017 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «МЕХАНИЧЕСКОГО» В
НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО
«АННА КАРЕНИНА»**

Выпускник

А.Г. Лубсанова

Научный руководитель

д-р филол. наук, доц. К.В. Анисимов

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017